

Ирина ГРИГОРЬЕВА

**ОНА ПАЦИЕНТКА,
ОН ВРАЧ**

**НО ДАЖЕ У ТАКОЙ
КАК ОНА ЕСТЬ ПРАВО
НА ВЫБОР**

A woman with her hair in a bun, wearing a light-colored hospital gown, sits on the edge of a bed with a metal headboard. She is looking down and to the right with a somber expression. The room has a dark, peeling wall and a tiled floor. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows.

ПРОПАЩАЯ

Ирина Григорьева

Пропавшая

«Издательские решения»

Григорьева И.

Пропащая / И. Григорьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904235-4

Она пациентка — он врач. Она больна алкоголизмом, а он лечит таких, как она. Они общаются только во время психотерапевтических бесед. Но в какой-то момент процесс лечения превращается в личное. А как же этика? Можно ли возвращать больного к нормальной жизни, будучи не уверенным в своих силах? И можно ли принять свою зависимость, если стыд и обречённость не отпускают? В Центре для реабилитации наркозависимых своя жизнь и свои правила. И если ты собираешься их нарушать, будь готов за это ответить.

ISBN 978-5-44-904235-4

© Григорьева И.
© Издательские решения

Содержание

ПРОПАЩАЯ	6
Пролог	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Июль. 2014 год	10
Дневник Анны	17
Июль. 2015 год	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пропавшая

Ирина Григорьева

Редактор Николай Стрыжаков

Дизайнер обложки Евгений Шмалько

© Ирина Григорьева, 2018

© Евгений Шмалько, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4235-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОПАЩАЯ

Аннотация

Она – пациентка, он – врач. Она больна алкоголизмом, а он лечит таких, как она.

Они общаются только во время психотерапевтических бесед. Но в какой-то момент процесс лечения превращается в нечто личное.

А как же этика?

Можно ли возвращать больного к нормальной жизни, будучи уверенным в своих силах?

И можно ли принять свою зависимость, если стыд и обречённость не отпускают?

В центре для реабилитации наркозависимых своя жизнь и свои правила. И если ты собираешься их нарушать, будь готов за это ответить...

* * *

...Профессиональная этика не допускает никаких форм использования клиента в интересах психоаналитика. Физический контакт агрессивной или сексуальной природы со стороны специалиста не может быть признан этичным даже при согласии клиента...

(Выписка из этического кодекса психотерапевта)

«...Потом она спросила меня:

– Значит, в прошлом ты была несчастливой?

Я подумала и ответила ей:

– Нет. Просто... Пока другие были счастливы – я набиралась опыта...».

(Из дневника Анны. Психоневрологический диспансер)

Пролог

Ты знаешь себя?

А что значит быть настоящим – знаешь?

И я не знаю.

Ох уж эти душевные муки-терзания, думки и предрассветные сны, полные каких-то обрванных предзнаменований. И попробуй потом расшифровать.

И вот так – с ночи и до утра, а в перерывах – болтовня и всякая возня, одобренная эмоциями.

А завтра – всё по кругу?

Нет, не по кругу.

Почему Малевич нарисовал «Чёрный квадрат»? Нарисовал бы лучше «Чёрный треугольник»! Тогда Карпман [i] точно сделал бы его логотипом своего знаменитого транзакционного анализа.

А что?

Ищут же до сих пор учёные мужи тайный смысл в квадрате художника-авангардиста. Поискали бы и в треугольнике. Скрытое зашифрованное послание потомкам с бешеной энергетикой и аурой мистификации. Чёрный треугольник, довлеющий над человеческими судьбами. Три ипостаси. Три главных роли.

Впрочем, оставим это. В конце концов, не мне решать, какие картины должны писать художники. Какие социальные модели поведения должны устанавливать психологи. И как должен позиционировать себя человек.

В последнее время все мои личные правила и установки заметно пошатнулись.

Да что я вру!

Рухнули они, как карточные домики от неловкого сквозняка.

И всё тут...

Хоть караул кричи, хоть на паперть беги за милостыней в виде доброго взгляда. Только не осуждайте, люди добрые, не гоните.

А мне ли не знать, что такое быть изгоем?

Хотя я им не был до сих пор и сейчас не являюсь вроде, но – знаю. Наслушался исповедей за свою недолгую жизнь. Сам советы раздавал, втайне наблюдая за собой в центре пресловутого треугольника. И полагал ведь наивно, что мне сия участь не уготовлена. Ну не быть мне ни жертвой, ни спасателем, ни преследователем. У меня другая миссия – я сторонний наблюдатель, проводник, навигатор, если хотите. Задавайте нужный курс по пунктам следования «мозг – душа» и... Вуаля!

Но не вышло. Не срослось. Не получилось...

Жду теперь каждый день ночи, чтобы в очередной раз распластаться на кровати, подставляя своё тело хлётким ударам памяти. И говорят ещё, что подруга эта избирательна, в своих закромах только приятные моменты хранит, а остальное убирает про запас в дальние закутки подсознания.

Но – это про других.

Я же чувствую, как вспыхивает ярким пламенем мозг, мышцы передёргивает, а в сознание врезаются картинки из прошлого. Я зажмуриваю глаза, сгребая пальцами простыню и жду следующий удар плётки.

Когда сил больше не остаётся – душа уже даже не горит, а полыхает огнём стыда от многочисленных затрещин, – я, вопреки логике, засыпаю.

Так и живу последние полтора года. Не сказать, что привык, но иногда днём ловлю себя на мысли, что нет-нет да и вспыхнет жгучее, почти животное желание отведать хлыста.

Эко меня понесло по волнам философско-психологических рассуждений, даже забыл представиться. Меня зовут Роман Кручинин, и я врач-психотерапевт.

Казалось бы, с такой профессией доводить себя до подобного состояния – верх непрофессионализма. Но я уже давно перестал придавать значение таким словам как: «специалист», «врач от бога», «профессионал» и тому подобное. И живу я скорее по инерции, не разыскивая смысла с претензией на светлое будущее.

Всё, что хотел раньше, я получил, а теперь получаю по заслугам.

Или нет?

Может быть, это просто мой собственный выбор. Он ведь есть у каждого. Хотя, подгоняемые страхом осуждения, мы порой выбираем то, что навязано извне, так сказать, со штампом – «одобрено обществом».

Думал ли я в те моменты наших встреч, что, вторгаясь в чужой хрупкий мир надорванной психики, могу причинить зло?

Честно?

Нет.

Я и теперь довольствуюсь малым.

Жалею себя.

И жду, что кто-то придёт и разрулит ситуацию. А я так и останусь сторонним наблюдателем.

Навигатором!

Декабрь. 2016 год

Снова ночь...

Встаю с постели и подхожу к письменному столу, достаю чуть потёртую от времени тетрадь. Удивительно: она неделями не покидает нутро холодного письменного стола, но каждый раз, когда беру её в руки, я чувствую, что она тёплая. Возможно, она живая, ведь в ней действительно хранится чужая жизнь, или я просто хочу так думать.

От этой мысли вновь словно получаю удар плетью, тело вздрагивает, и тетрадка падает из рук.

Я поднимаю растрёпанное бумажное тельце, прижимаю его к груди и закрываю глаза...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июль. 2014 год

Ночь выдалась душной и светлой, как будто кто-то подсвечивал с неба фонариком. Тишина тоже была светлой и абсолютной, и даже одинокий комар, нарушавший её, то и дело стучаясь об потолок, был органичной частью этого момента.

Июль был в ударе...

Лето в Западной Сибири непредсказуемое. Может неделями стоять жара, а могут идти дожди. А ещё чаще погода меняется по несколько раз за день. Поэтому, когда в атмосфере возникает некоторая стабильность, – на душе тоже спокойно.

Мы ведь зависим от погоды, как ни крути. Лично я в периоды затяжных ливней и густых туманов бываю раздражительным, и даром что психотерапевт – в первую очередь мы ведь люди, а уже потом – специалисты и всё такое...

Я подошёл к окну и задрал голову, любуясь бриллиантовым орнаментом чёрного неба.

По кабинету плавно кружили ноты какой-то незамысловатой мелодии, и, погружённый в реальность «здесь» и «сейчас», я улыбнулся своему двойнику в стеклянном проёме.

Ещё немного постоял и вернулся к рабочему столу, сел в компьютерное кресло, которое плавно опустилось под тяжестью моего тела.

Лунный свет проникал в помещение, окутывая всё таинственностью. Я подумал, что отчасти это – символично.

В этом кабинете действительно всегда присутствовала особая тайна. Тайна человеческой души.

За свою без малого семилетнюю практику в качестве психотерапевта я привык к исповедям и выработал свой личный способ не грязнуть в деталях. Я крепко держался за объективность. В первую очередь объяснял всякие там тонкости души себе, а потом уже пациентам. Не то чтобы был чёрств – нет! – просто считал, что фанатизм в моей профессии излишен.

Фанатизм он вообще всегда чреват.

А потому вполне хватало немного меня, блокнота, фирменной ручки и заготовленных «легал», вырезанных из разных учебников по психотерапии. Дальше право перекраивать людские судьбы я предоставлял случаю и собственно самим людям. И пока этот опыт меня вполне устраивал.

Я начитан.

Любопытство всегда являлось моей отличительной чертой. Ещё в детстве, когда родители – тоже врачи, – прививая интерес к врачеванию, подсовывали мне различную медицинскую литературу, я, начитавшись, клал её под подушку, чтобы лучше запоминалось.

И ведь срабатывало.

На своём курсе я был первым.

Честно говоря, первым я должен был быть во всём. Мама с папой меня любили. Как единственный ребёнок в семье, я имел множество привилегий и охотно использовал их для достижения собственных целей. Я рано ощутил свою значимость и больше не собирался с ней расставаться.

Так что, когда меня – тридцатидвухлетнего специалиста – из десятка кандидатов выбрали на должность главного врача одного из государственных центров реабилитации наркозависимых, на моём лице не дрогнул ни один мускул. В другой исход я попросту не верил.

К этому времени я уже имел опыт работы в частной клинике неврозов и небольшой стаж психиатра в психоневрологическом диспансере в родном городе С.

Иногда к нам попадали алкоголики. Более или менее адекватных выпивох я на добровольных началах пытался восстанавливать не только пилюлями, но и словом, используя методику когнитивно-поведенческой психотерапии. Вроде бы имел успех.

Лицензию нарколога я предусмотрительно получил вместе с лицензией психиатра.

Конечно, я посещал и различные семинары, заводил хорошие знакомства, но, главное, на тот момент я ещё хотел лечить.

Это потом я устал от бесконечного нытья пациентов. Это потом мне стало просто всё равно...

Вчера я отметил пять лет работы в роли главного врача. Мы с Наташей посидели в каком-то модном кафе, потом, пользуясь благосклонностью природы, долго гуляли по ночному городу.

Наташу – свою девушку – я встретил ещё в университете и долго не мог добиться её расположения. Вообще-то с противоположным полом у меня проблем не было.

На первом курсе родители отселили меня в дедовскую «двушку», которая перешла им по наследству.

Какой же сексуальный беспорядок там царил!

Я безответственно пользовался своим обаянием и молодостью. Какие только институтские красавицы не перебивали в моей постели. Каждое утро я просыпался от запаха свежесваренной «арабики» и, закинув руки за голову, ждал поцелуя.

Но Наташа...

Наташа была не такая. В мою сторону она даже не смотрела. Подстёгиваемый её равнодушием и своим тестостероном, я неоднократно предпринимал попытки навязать себя, но сдавалась она недавно, когда я случайно встретил её на какой-то вечеринке у общих друзей.

Утром я опоздал на службу. А к обеду в мой кабинет толпой завалились коллеги, вручили торт. Кто-то даже речь подготовил, пожелав всем нам успехов в нелёгком труде. Потом мы быстро пробежались по пациентам и разошлись по своим делам. Этой ночью я дежурил и, как обычно, с удовольствием предавался воспоминаниям.

Алкоголизм никогда не казался мне особенной болезнью, если честно – я вообще не был склонен называть неконтролируемую тягу к спиртному заболеванием как таковым. А что до женского течения болезни, то здесь мне ещё трудней сдерживать эмоции. Ну не мог я понять дам, которые собственными руками разрушали свою молодость, красоту и здоровье.

Но подобные мысли я держал при себе глубоко запрятанными. Как-никак, я – врач, да ещё и «душевный», а потому не должен вносить в процесс лечения свои личные убеждения.

Когда на каких-нибудь посиделках с коллегами заходил спор о перспективах выздоровления, я старался отмалчиваться. Всё, что от меня требовалось на первых этапах в моей новой должности, – это хотя бы немного понять пациентов и дать им возможность целый год оставаться трезвыми. А дальше... Будьте добры – сами.

В конце концов, только мы в ответе за свою жизнь!

Я сделал музыку потише, взял в руки телефон, настучал на сенсорном экране сообщение Наталье и довольный откинулся в кресле.

Мысли плавали в голове без особого напряжения. Я подумал, что завтра всё-таки проведу группу, которую откладывал вот уже третий месяц. Попытался припомнить, что мы там с пациентами обсуждали. Кажется, со-зависимость. Ладно, определимся на месте, если что.

Совмещать управленческую деятельность с работой психотерапевта непросто. Примерно через год я понял, что в моём хозяйстве постоянно что-то ломается, разбивается, портится и теряется. Когда моё утро стало ежедневно начинаться с жалоб сотрудников, я плюнул на практику и стал лишь изредка возвращаться к беседам с пациентами.

Конечно, это было странно. Когда-то мне – в буквальном смысле этого слова! – пришлось сражаться за свою специальность. Родители мой выбор не одобряли. Они видели меня хирургом, онкологом, даже гинекологом, но никак не психиатром.

– Чего ты удумал, Рома? – говорил отец, пристально рассматривая меня с таким лицом, которое словно выражало родительский авторитет всего мира. – Зачем тебе копаться в чьих-то башках? Сам умом тронешься. Ну чем тебе хирургия не угодила?

– Я так хочу, пап, – отвечал я, выдерживая его взгляд.

– Но, Рома... У нас же династия: я – хирург, дед твой – хирург, мама – онколог, – снова пытался давить на мои сыновние чувства папа.

– Вот именно, а теперь ещё и психиатр будет, – добавлял я, а сам думал о том, что лучше уж живой интерес, чем пресловутая преемственность поколений.

Отец гневался и собирался читать мне долгую и нудную лекцию, но в разговор вступал дед. Он был стар, и сил на лишнюю демагогию у него уже не было. Поэтому он резко обрывал своего сына словами: «Оставь мальчика в покое!», – и на какое-то время тема была закрыта. Мне же он потом говорил, что я должен следовать велению сердца, иначе и воробья не вылечу, и, похлопав по плечу, удалялся в свою старческую обитель думать о жизни, а может быть – спать.

Со временем всё улеглось. Родные приняли мой выбор. И я погрузился в мир человеческих чувств и поведений. Ещё в бытность психиатром в клинике неврозов я на практике убедился, как коварен наш мозг.

– Такое чувство, что он живёт какой-то своей жизнью. Этаким царёк в королевстве тела, – делился я своими умозаключениями с наставником.

Пётр Андреевич Городовский был из тех врачей, которые не придерживаются какой-то определённой школы. Он брал то, что ему надо, из разных течений и в итоге преуспел и в психоанализе, и в когнитивке, и в гештальтпсихологии, снискав себе тем самым славу «матёрого целителя душ».

Меня он не учил и не вбивал мне в голову свои убеждения, только изредка помогал, как бы невзначай кидая небольшую подсказку, если какой-нибудь случай вызывал у меня затруднения.

В общем, отвечал он мне примерно так:

– Мозг – дурак. Остальные выводы делай сам.

И я делал.

Выслушивая своих пациенток – чаще всего ко мне приходили женщины, – я пытался мысленно представить их без мозгов. Картина выходила, мягко говоря, странная. Передо мной возникали куклы. И я мог дёргать их за любые верёвочки.

Но это было ужасно скучно.

Да-да, скучно!

Если вы думаете, что работа психотерапевта наполнена увлекательными историями людских судеб, – ошибаетесь! Где-то на десятом пациенте начинается завал!

Соппротивление людей, которые идут за помощью, надеясь в итоге заполучить союзника, порой зашкаливает до предела.

Одна моя клиентка никак не хотела принимать тот факт, что её лишний вес на личную жизнь не влияет. Но она свято верила в то, что количество поклонников у неё напрямую зависело от сброшенных килограммов. Она заботилась о внешнем, но плевать хотела на внутреннее.

– Мужчины падки на красивую обёртку, – говорила она и томно хлопала ресницами. – Вот вы, доктор, готовы встречаться с дурнушкой, у которой лак на ногтях облупился, а на голове – пучок учительский?

– Не знаю, – честно отвечал я.

[i] Стивен Карпман – создатель психологической и социальной модели взаимодействия между людьми в трансакционном анализе другими словами, треугольника Карпмана, где пси-

холог указывает на три основные роли, которые может играть человек: спасатель, жертва и преследователь. (Прим. автора).

Но она смеялась.

– Обманываете, доктор. Знаете... – и, победоносно посмотрев на меня, заканчивала: – Не будете!

– Аля, – спрашивал я потом, – скажите мне, пожалуйста, вы ведь пришли ко мне с запросом, что все отношения «сгорают», даже не начавшись? А вы не пробовали провести параллель между вашим убеждением, что мужчины падки на красоту, и тем, что происходит в вашей жизни? Не хочу показаться шовинистом, но не всегда вся ответственность за разрыв лежит только на мужчине.

Ей не нравилось то, что я говорил. Настроение её падало, она, уже не скрывая злости, спорила со мной, а потом уходила и где-то две недели не появлялась. А когда возвращалась, то я уже не испытывал к ней профессионального интереса и односложно отвечал короткими дежурными фразами.

Наверное, именно в клинике неврозов и выработалось моё окончательное отношение к проблемам души: держись за объективность – чтобы можно было объяснить – и не «делай себе лишних нервов».

В центре реабилитации было немногим проще...

Направление мы выбрали медико-социальное, основной упор делали на психотерапию, трудотерапию и физическую культуру.

А так как Центр был государственным, то ни о какой самодеятельности и речи быть не могло. Всё строго и по плану. Свою программу реабилитации мы защищали в Москве.

Персонал для учреждения подбирали долго. В близлежащих городах найти квалифицированных врачей оказалось непросто. Приглашали из центральных регионов по договору.

Первые месяцы нам всем, конечно, было очень тяжело. Мы откровенно плавали, не понимая, что делать с реабилитантами.

Что им говорить? Как сдерживать агрессию?

Потом утряслось. Наладили быт и даже придумали свою балловую систему поощрения за труд, чтобы желающие могли выкупать дополнительные сеансы психотерапии, которые наши психологи вводили в рабочий процесс с завидной регулярностью.

Я не особо следил за этим. Каждый сотрудник старался как мог, и это уже радовало. Кто-то из молодых психологов занимался с пациентами арт-терапией, кто-то – песком, кто-то – аутогенной тренировкой. Всё это, естественно, отражалось в истории болезни. Туда же вносились и результаты.

Результаты...

Об этом в Центре говорилось много и постоянно. На собраниях, совещаниях, просто на бегу.

Были они. Конечно, были, но дать гарантию на пожизненную ремиссию мы не могли. Я бы – будь у меня на то право – не дал бы и нескольких лет.

Но это между нами...

Я закрыл глаза, пытаясь отогнать от себя внезапно нахлынувшее чувство тревоги.

В последнее время я с меньшим рвением участвовал в жизни Центра. Свою нишу мы уже заняли. Процент ремиссий после выписки в статистике отражали. В департаменте к нашей работе претензий не имели. Бюджет пополняли всегда вовремя, кое-какие проблемы имелись, но их всегда можно было решить. В конце концов, Николай Иванович Иванов поможет.

Чиновник из здравоохранения имел забавное круглое лицо, стрелял по сторонам озорными узенькими глазками и всегда выглядел довольным жизнью. Он деловито описывал перспективы нового учреждения, прохаживаясь по ещё пахнущим краской и линолеумом палатам, после чего обязательно по-гусарски подкручивал ус.

Иванов курировал нас с первого дня и сразу расположился ко мне. И даже когда я заикнулся о конюшне, ссылаясь на то, что пет-терапия давно признана в мире одной из самых эффективных, он не показал мне кукиш, мол: «Где это видано – бюджетные деньги на ерунду разбазаривать!», – а встал на мою сторону. Защищал эту идею на различных собраниях и выбил нужную сумму на покупку трёх лошадок. Не племенных скакунов приобрели, но – всё-таки.

Остальные вопросы по содержанию животных я решал уже сам, на месте. Дал задание мужской половине пациентов, и они за неделю сколотили загон. Накосили в поле травы. Конюха я выписал из соседней деревни. Обрадованный перспективой хорошего заработка, дядя Ваня – как называли его реабилитанты – с таким рвением приступил к работе, что вскоре у нас появился и небольшой крольчатник.

Реабилитационный центр для наркозависимых располагался на территории бывшего правительственного санатория. Рядом бежала небольшая речушка, а по периметру раскинулся хвойный лес, услужливо защищающий клинику от посторонних глаз.

Ранним летним утром здесь было особенно хорошо. Прохладный воздух, смачно сдобренный запахом сибирских сосен и кедров, то и дело разрывала трель птиц, и эта умиротворённость определённо настраивала на оздоравливающий лад.

Пара одноэтажных корпусов – один для пациентов, другой для администрации, а также маленькие хозяйственные пристройки гармонично вписывались в общий фон.

Несведущий человек вряд ли с первого взгляда распознал бы в этом пейзаже лечебницу для наркоманов и алкоголиков. На окнах не было решёток, охрана не разгуливала с грозным видом взад-вперёд, разве что пост на въезде был, и несколько камер видеонаблюдения кое-где мелькали. В остальном всё здесь дышало домашним теплом. Узкие, вытопанные тропинки пролегали вдоль огромного поля со скошенной травой и аккуратными грядками с колосющимся урожаем. Беседки и резные скамейки, которые пациенты сами мастерили на сеансах трудотерапии, придавали территории особый, сельский колорит.

Я лично руководил проектом по облагораживанию. Тогда, ещё в самом начале, я был полон энтузиазма и не экономил энергию и личные силы.

Мы разделяли труд парней и девушек. Пациенты мужского пола работали в основном в столярной мастерской и занимались уборкой территории. Барышни трудились в огороде и швейном цехе, а когда наступали холода, то женский десант перебрасывали в зимнюю теплицу, где на небольшом клочке земли сменяющие друг друга группы развели настоящий ботанический сад.

Довольно быстро я научился с первого взгляда определять среди пациентов тех, кто заехал на день, и тех, кто действительно задумался о переменах в жизни.

Правила у нас были не очень жёсткие: не драться, не ругаться, романы не заводить и следить за временем. В Центре жизнь шла строго по расписанию.

Руководителем я был лояльным. Просьбы пациентов всегда рассматривал, некоторые даже удовлетворял. Всех парней я знал по имени и часто общался с ними вне сеансов психотерапии. А вот разговоры с девушками я сводил к минимуму. Не то чтобы чувствовал пренебрежение, просто они – даже будучи пациентками режимного учреждения – всё равно оставались женщинами, и я не раз ловил на себе заинтересованные взгляды. Так что мне было проще прослыть мужланом, чем давать повод для ненужных страданий.

С коллегами отношения у меня складывались по-разному. Врачи подобрались с претензией: что ни психиатр – то без пяти минут кандидат наук. На меня, сопливого, они смотрели свысока и частенько отвешивали в мой адрес двусмысленные комментарии и спорили по поводу и без. Да и я, если быть честным до конца, не скупился на замечания. С психологами было проще: молоденькие девчонки – только после института – ко мне относились с уважением, и любые мои начинания встречали разве что не аплодисментами.

С годами страсти в коллективе улеглись. Меня стали уважать. Как ни крути, понимали, что со своей задачей я справился: отладил сложный механизм, состоящий из «высокомерных винтиков» и «разболтанных шестерёнок».

От приятных воспоминаний тревога понемногу спадала, и я улыбнулся. Что-что, а хорошим управленцем я считал себя по праву. А что до психотерапии, так мне не обязательно теперь в этом участвовать. Мои коллеги и так неплохо справляются.

О том, что я понемногу начал упираться в потолок, забывая о бескрайнем небе, предпочитал не думать. Не всё ли равно, что стоит за красивыми фразами.

* * *

Она приехала в июле.

На первый взгляд ничем не отличалась от других. Заторможенная, немного отёкшая и безразличная. Её звали Анна.

И я не обращал на неё никакого внимания. В последнее время они все слились для меня в одну серую, унылую массу. Алкоголики и наркоманы и те, и другие – в одном лице. Больные гепатитом и ВИЧ, а также те, кому повезло не заразиться. Наглые и забитые. Глупые и обранные.

Здесь, в Центре для реабилитации наркозависимых, не было разницы, к какому социальному статусу принадлежишь. Приехал лечиться, и точка.

Тот день выдался на редкость жарким. Уже с утра солнце припекало так, что дорога плавилась, словно масло на сковородке. Но это не мешало мне наслаждаться первыми рабочими часами.

Я гнал свою красавицу «Инфинити» по загородной трассе под напевы какого-то модного певца и сам подсвистывал незамысловатой мелодии. У меня не было больших планов на этот день, и я полностью растворился в романтических воспоминаниях от проведённого с Наташей вечера.

Из сладких раздумий вывел звонок мобильного. Звонила Лиза, наша молоденькая медсестра. Я включил громкую связь.

– Роман Евгеньевич, доброе утро. Вы где? У нас поступление. Тегельские раньше времени приехали. Без вас не можем принять.

Мне не нравились незапланированные поступления, обычно это обсуждалось вплоть до минуты. Я почувствовал лёгкое раздражение. Но я руководитель, потому деловито распорядился следовать инструкциям и прибавил газу.

Я припарковал машину на стоянке и направился в приёмное отделение.

Парни уже позавтракали и теперь шустро сновали по территории с метлами и лейками, доводя и так аккуратные дорожки и клумбы до идеального состояния.

– Здравствуй, Роман Евгеньевич, – хором поздоровались со мной «садовники».

– Привет работягам, – откликнулся я. – Жарко сегодня, панамы наденьте, а то солнечный удар схватите. Глеб, сходи к завхозу, скажи, что я распорядился выдать.

– А репелленты можно попросить? А то комары-гады крутятся. Жара им нипочём, – тут же спохватился Глеб.

Мне нравился этот рыжеволосый парень. Несмотря на его буйный нрав и порой абсурдную неуступчивость, в нём чувствовался интеллект. А за грубыми шутками явно проскальзывало своеобразное понимание мира. Его долговязая фигура часто сновала под моим окном. Он рыхлил цветники и следил за шлангами с водой. И если была минутка, мы обязательно перекидывались парой фраз, иногда я брал его на беседы.

Пока шло обсуждение хозяйственных проблем, из приёмного отделения выскочила Лиза. Она явно торопилась закончить приём и отправиться домой.

– Роман Евгеньевич, ну сколько можно болтать? – затараторила она в своей обычной манере. – Мы уже проверили тесты на алкоголь и наркотики. Я бумаги заполнила. Вы нужны.

– Иду, Лизавета, иду.

Оказавшись в приёмнике, я первым делом оценил ситуацию и ничего интересного для себя не увидел. Замершая в молчаливой скорби мать сидела на стуле и теребила ручки своей сумочки. Изредка она бросала на своё чадо полный страдания взгляд. Чадо сидело тут же, на кушетке, уставившись в пол.

Я без труда определил возраст и диагноз пациентки: лет двадцать пять, судя по отёчности век – злоупотребляет алкоголем, ещё до конца не оправилась после последнего запоя. Я подошёл к ней и задал стандартный вопрос:

– Зачем вы приехали сюда?

Я говорил громко и грубо, сразу давая понять, кто здесь хозяин.

Она подняла голову и испуганно посмотрела снизу вверх. Её густые, но неопрятные волосы сосульками свисали на плечи. Всем своим видом она транслировала обречённость, правда, в зелёной радужке глаз я разглядел играющие искорки света. И это делало её ещё не совсем потерянной для этого мира.

«Живая...», – подумал я.

Мешковатая одежда скрывала её фигуру, но, судя по заострённым скулам, последние несколько дней она совсем ничего не ела. Девушка всё ещё обдумывала мой вопрос, наконец её худые плечи слегка дёрнулись, и хрипловатым голосом она произнесла:

– Не знаю. Лечиться... Наверное...

– Понял, – снова отчеканил я и отошёл от неё.

Её мать стала задавать мне вопросы. Я старался отвечать уклончиво и резко. А через десять минут, заполнив нужные бумаги, выдал на ходу заготовленную фразу о том, что мы поможем ей, если она сама этого захочет, и повернулся, чтобы уйти, но на прощание всё-таки бросил взгляд на девушку.

Анна – как я узнал из документов – подмигнула мне и отвернулась.

Я хмыкнул, мол: «Здесь и не таким пытались удивить...» – толкнул плечом дверь и тут же забыл о произошедшем.

Дневник Анны

Июль. 2015 год

Ну здравствуй, дорогой дневник. Вот наконец я решилась тебя завести...

Здесь, в клинике, нас просят вести ежедневные записи своего настроения. Этаким мониторинг чувств. Их потом читает психолог. Но всё там, к сожалению, не напишешь, поэтому я решила начать свой собственный дневник, недоступный никому.

Правда, я ещё не придумала, куда буду тебя прятать, но уверена, что найду выход.

Дорогой дневник, я даже не знаю с чего начать, так много хочется тебе рассказать. Я в Центре всего пару недель, а уже столько всего произошло. Но, наверное, правильной для самой себя рассказать всё по порядку...

Меня привезла мама. Она очень верно выбрала время, застав меня после очередного запоя, чуть ли не за ширку притащила сюда.

В тот день мне было плохо, как никогда раньше. Обычно мои загулы длятся не более четырёх дней, но в тот раз я превзошла саму себя и не просыхала больше недели.

Помню, меня капали. Мать притащила врача на дом. Я проваливалась в какой-то кошмар и сквозь болезненный туман в голове слышала, как доктор предлагает ей отправить меня в какое-то учреждение, где я проведу по крайней мере год.

Год...

Год. Год...

Это слово бьёт в мою голову изнутри тяжёлой гирей. Я хочу возразить, я даже делаю это, но, как оказалось, эта истерика только в моём воспалённом мозгу.

В тело тыкают иголки, а в рот запикивают горькие пилюли. Я захлёбываюсь водой, но пью. Потом забываюсь кошмарным сном.

Мне снится это ужасное заведение: мрачное здание с решётками и медсёстры с огромными шприцами. Они привязывают меня к кровати, держа своё орудие в зубах, а потом без разбору втыкают в моё тело иглы. От каждого прикосновения стального жала я чувствую невыносимую боль.

А в голове по-прежнему стучит.

Год...

Год. Год...

Я просыпаюсь в поту, кровать мокрая, словно на неё вылили ведро воды. Меня бьёт мелкая дрожь. Воспалёнными ноздрями улавливаю какой-то запах. Еда... Желудок сводит судорогой.

С трудом спускаю ноги с кровати и направляюсь в сторону кухни.

Мать говорит с кем-то по телефону. Не могу разобрать, о чём идёт речь, но, видимо, что-то важное.

Иду мимо ванны, дверь открыта, и я инстинктивно поворачиваю голову в тёмную дыру.

Вдруг вспыхивает яркий свет. В мозг врезаются тысячи стрел. Зажмуриваюсь, а открыв глаза, вижу, что на меня смотрит старуха. Растрёпанные, слипшиеся на концах волосы на её голове напоминают парик Медузы Горгоны. Из-под одутловатых век глядит злость. Глубокие морщины залегли в уголках её губ. Завершает картину огромное красное пятно на подбородке. От увиденного передёргивает.

– Как видок? Нравится? – доносится до сознания.

Значит – это я?!

Мать смотрит, не скрывая насмешки. Она всегда это делает, а если я не встаю с кровати, то услужливо подсовывает зеркало и тычет им в лицо. И ещё истерично смеётся. Вот и сейчас неожиданно врубила свет в ванной.

– Отойди.

Я не дожидаясь дальнейших реплик и с силой отодвигаю её со своего пути.

Пройдя на кухню, я тут же бросаюсь к крану и наливаю полный стакан воды. Залпом выпиваю, и желудок тут же выворачивает наизнанку. Свернувшись пополам, медленно оседаю на пол. После рвоты сил стоять нет.

– Сколько я спала?

– Часа три.

Я смотрю в окно, силясь сфокусировать свой взгляд хоть на чём-нибудь, но это получается только тогда, когда один глаз зажмурен.

В голове пусто и тяжело одновременно. Тело начинает замерзать, и пот, всё ещё струившийся по спине, становится холодным.

Трясусь...

– Чай с лимоном будешь? – Мать смотрит куда-то в сторону.

Я киваю. На душе становится муторно.

В голове мелькают какие-то картинки из прошедших дней. Ледяной рукой сердце сдавливает страх. Хочется провалиться сквозь землю.

Как же я ненавижу и одновременно люблю эти моменты. Кажется, что я рождаюсь заново. В муках и бесконечных схватках вылезая из чёрного нутра жизни.

Каждый раз, проживая первый день после запоя, я жду чего-то нового. Вот роды разрешатся, и теперь всё пойдёт по-другому. Но это «другое» не наступает, и через пару недель я с маниакальной настойчивостью снова провожу эти экзекуции над собой.

Передо мной возникает дымящаяся кружка.

– Пей. Поможет очухаться.

И я пью, чувствуя, как с каждым глотком по телу растекается тепло. Вот оно попадает в желудок, и он сжимается в благодарности, вот тепло достигает печени, и она, наоборот, разжимается как губка, которая после использования принимает свои естественные очертания.

Сердце... Бедное моё сердце, как же ты вымоталось за эти дни. Стучало, замирало, билось, колотилось, снова замирало. Я чувствую пульсирующий комок в груди. Меня бросает в жар. Как же это приятно.

Но это состояние длится секунды. И опять всё сжимается внутри. Понадобится ещё пара дней и ночей крепкого сна, прежде чем мысли начнут потихоньку собираться в подобие логических цепочек, и я начну соображать.

– Я договорилась с клиникой, – прерывает мои размышления мать. – Поедешь туда через три дня. Это не обсуждается.

– Да пошла ты!

Но она не обращает внимания, круто разворачивается на пятках и скрывается в глубинах коридора.

Я подпираю голову руками и снова фокусируюсь на происходящем за окном.

В голове прыгают мысли.

Надо.

Нет, не надо.

Надо.

Зачем?

Клиника.

На год?

Куда? Что там делать?

Удивительно, но в тот момент меня абсолютно не интересует, а что будет через год. И выдержу ли я вообще такой срок.

Потом я принимаю таблетку и ложусь в кровать. Засыпаю...

*Просыпаюсь глубокой ночью.
Дом пустой. Тихо и страшно.
Бегаю по комнатам и зажигаю свет. Врубаю телевизор...
Пробую открыть входную дверь – закрыта на ключ. Искать его нет смысла...
Иду к кровати. Мозги по-прежнему расплавлены.
Всё происходящее позже ускользает из памяти.
Вроде был душ. Мою голову шампунем, но смывать его боюсь. Каждый раз, когда вода
льётся на меня сверху, я задыхаюсь от страха. Ноги подкашиваются.
Плевать.
Кое-как вытираю голову полотенцем и бегу в кровать.
Мать что-то орёт. Она снова здесь. Ах, да. Она ещё утром прискакала.
Под одеялом потихоньку согреваюсь и снова проваливаюсь в сон...
Мы едем долго. Я полностью открываю окно. Ветер треплет волосы, частички пыли
то и дело попадают в глаза.
Больно, но... Безразлично...
Меня раздевают. Осматривают. Щупают. Заставляют пописать в какую-то баночку,
а потом я долго сижу на кушетке. Мы кого-то ждём.
Безразлично...
Кто-то орёт над головой. Спрашивает, зачем я приехала.
Поднимаю глаза.
Он смотрит, а мне страшно. Что он хочет от меня? Всё как во сне...
Отвечаю ему, и вдруг становится смешно от всего происходящего. Так смешно, что сей-
час начнётся истерика.
Мать бежит по комнате, а он пишет и пишет. Что он там пишет? Вот уходит. И я
подмигиваю ему, сама не знаю зачем. Просто безразлично...
Потом что-то говорит мама. Я слегка прикасаюсь губами к её щеке, поднимаю дорож-
ную сумку. Что она туда напихала?
Меня куда-то ведут. Плечо тянет от тяжёлой ноши. Кое-как поднимаюсь на второй
этаж.
Вот комната. Какие-то девчонки, что-то говорят, бегают вокруг меня.
Вопросы. Вопросы...
Безразлично...
Весь день меня водят по каким-то кабинетам. Я подписываю какие-то бумаги. Потом
со мной разговаривает симпатичная девушка, на вид немногим старше меня. Задаёт вопросы.
Отвечаю, что попало...
Потом меня отводят в какой-то сад, где смешная женщина с пергидролевыми волосами
опять даёт мне какие-то бумаги, а потом вручает пачку семян и отправляет на грядки.
Потом какое-то непонятное собрание, где все обсуждают прошедший день.
Потом ужин...
И наконец я остаюсь в палате одна. Мои соседки куда-то убежали.
Безразлично...
Потом мне дают таблетку, и я засыпаю...
Открываю глаза от яркого света. Соседки по комнате уже соскочили и одеваются,
весело переговариваясь.
– Ты вставай давай, – орёт одна из них. – Опаздывать нельзя. Час на уборку и чтобы
привести себя в порядок. Потом завтрак. Давай. Давай. Поднимай зад, алкоголичка. – И начи-
нает весело ржать.
Едва я возвращаюсь из уборной, мне вручают швабру.
– Твоя очередь пол в палате мыть. И ещё в комнате отдыха пропылесось.*

Беру палку с намотанной на конце тряпкой и начинаю возюкать ею по линолеуму. Медленно.

На меня снова орут:

– Быстрей всё надо делать. Здесь весь день по минутам расписан.

Я прибавляю скорости.

Но всё ещё безразлично...

Потом так же быстро прохожусь пылесосом по коврику в зале. И возвращаюсь в палату.

Все бегают, смеются. Просят друг у друга косметику.

Я сажусь на кровать и начинаю рыться в вещах. Мать, видимо, весь мой шифоньер в сумку запихнула. Натыкаюсь на купальник. Откладываю. Отдельный пакет с мыльным-рыльным. Ого, я же зубы не почистила. И лицо стягивает от местной воды. Порывшись, нахожу крем и мажу им кожу.

– Слышь, ну чего расселась? Здесь, если вовремя не укладываешься, штраф выписывают, и не только тебе, а всей палате. – Маленькая худенькая девчонка с короткой стрижкой злобно смотрит на меня. Коротышка похожа на пацана лет восьми, и только по морищинам, уже хорошо проступившим на её физиономии, понимаю, что ей глубоко за тридцать. – Так что шевели копытами.

Беру первый попавшийся сарафан и натягиваю его на себя.

– Не обращай внимания. Дня три – и привыкнешь, – дружеслобно говорят с койки напротив. Эта девчушка тоже худенькая, но высокая.

Я смотрю на восточные черты лица и думаю, что, встретив её на улице, ни за что бы не признала в ней подругу по несчастью.

Она меж тем продолжает вещать:

– Я сама здесь всего две недели. Ты ведь по алкоголю заехала?

– Да.

– Меня Дина зовут. А ты вроде Анна?

Я киваю.

– Ладно, ещё будет время поговорить. Пошли, пора есть.

И я послушно иду за всеми. Выходим на улицу и направляемся к какому-то зданию – видимо, столовая.

Дина идёт рядом.

Какие-то парни пробегают рядом с лейками. От компании отделяется длинное тело с рыжими волосами и направляется к нам.

– Новенькая? – И, не дожидаясь ответа, продолжает: – Видел вчера. С прибытием. Не бойсь, здесь все свои, всегда поддержим.

– Пошёл ты, Глеб, – перебивает его Дина. – Не лезь. Видишь, человек ещё в шоке от происходящего. – Потом поворачивается ко мне и продолжает: – Мы первые едим, потом – парни. Мы можем с ними разговаривать, на группах вместе сидим, но романы заводить нельзя, имей в виду. Выпрут сразу.

Я киваю. И в этот момент вижу, как из только что припаркованной машины выходит вчерашний врач. Он идёт в нашу сторону и с кем-то говорит по телефону. Он не видит меня. Зато я теперь хорошо разглядела его. Он красивый. Такие правильные и мужественные черты лица. А эти чёрные, как ночь, волосы. И весь его вид не говорит, а просто кричит о том, что он хозяин жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.